

Научная статья

УДК 82-94

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-419-430>

<https://elibrary.ru/VREAPD>

П.М. БИЦИЛЛИ И СПОРЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЭМИГРАЦИИ

© 2024 г. М. Вендитти

Аннотация: Статья посвящена разгоревшемуся в 1927–1928 гг. на страницах парижского журнала «Звено» спору о «порче» русского языка. Главными оппонентами в дискуссии выступили П. Бицилли и кн. С. Волконский. Бицилли смотрит на язык, в том числе русский, как на объект философии культуры. Подход Волконского чисто политический: он видит в русском языке выражение духа старой России.

Ключевые слова: П. Бицилли, кн. С. Волконский, реформа правописания, старая русская орфография, философия культуры.

Информация об авторе: Микела Вендитти — доктор филологических наук, профессор, Отделение литературных, лингвистических и компаративных исследований, Неаполитанский университет Л'Ориентале, ул. Дуомо, д. 219, 80138 г. Неаполь, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4072-4604>

Для цитирования: *Вендитти М.* П.М. Бицилли и споры о русском языке в эмиграции // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 419–430.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-419-430>

Research Article

PIOTR BITSILLI AND DISCUSSIONS ABOUT RUSSIAN LANGUAGE IN EXILE

© 2024. Michela Venditti

Abstract: The article is dedicated to a dispute about the “corruption” of the Russian language which flared up on the pages of the Parisian magazine “Zveno” in the 1927–1928. The main opponents in the discussion were Piotr Bitsilli and prince Sergei Volkonskii. Bitsilli looks at any language, including Russian, as an object of cultural philosophy. Volkonskii’s approach is purely political: he sees in Russian the expression of the spirit of old Russia.

Keywords: Piotr Bitsilli, prince Sergei Volkonskii, spelling reform, old Russian spelling, philosophy of culture.

Information about author: Michela Venditti, DSc in Philology, Professor, Department of Literary, Linguistic and Comparative Studies, Naples University L’Orientale, via Duomo 219, 80138 Naples, Italy.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4072-4604>

For citation: Venditti, Michela. “Piotr Bitsilli and Discussions about Russian Language in Exile.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinkii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 419–430. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-419-430>

Реформа русской орфографии (1917–1918) спровоцировала в эмигрантской среде в начале 1920 х гг. не только спор о самой реформе, но и о русском языке в целом, о его судьбе вне отечества. Как беречь язык за рубежом, учить ли детей русскому языку и другие схожие вопросы были в центре внимания русской эмигрантской интеллигенции. Со временем удаленность от родной страны неизбежно влияет на лингвистические навыки русскоговорящих.

Интересные соображения по этому поводу находим в письмах писателя Гайто Газданова, особенно внимательного к вопросу о чистоте языка, конца 1950 х гг. В письме Л.Д. Ржевскому от 1 января 1958 г. Г. Газданов хвалит один из его рассказов: «И язык приятный, — не такой высохший, как у нас, проживших сто лет за границей» (курсив мой. — М.В.) [10, с. 207]. Позже, в 1962 г., в письме к тому же Ржевскому он огорченно констатирует, что

большинство наших соотечественников плохо знает русский язык и, кроме того, совершенно не умеет читать. И, главное, научить нельзя — не понимают даже такой простой вещи, как логическое ударение [10, с. 217].

Вопрос о реформе орфографии и, следовательно, о русском языке после революции принял чисто политический оттенок: первыми предложили реформу ученые Академии наук — с целью упростить русский алфавит и упразднить устаревшие буквы; однако объявление указа о реформе орфографии в самый период революции было воспринято как «большевистское насилие». Филологи, писатели, философы, педагоги, языковеды — как в России, так и в эмиграции — принимали активное участие в острой дискуссии. О вызванном ею широком резонансе свидетельствует огромное количество материала, разбросанного по газетам, журналам, мемуарам, статьям, не говоря уже о книгах [2]. В эмиграции новая орфография была отвергнута особенно резко как символ большевизма, и большая часть печати не принимала ее вплоть до 1940 х гг. В качестве крайних полюсов можно привести позиции Павла Сакулина и Ивана Бунина: первый, убежденный сторонник реформы, определяет новый язык как «язык свободы» и полное осуществление революционного проекта демократизации; второй резко и гневно осуждает реформу как кощунство и бесцеремонность, в полной мере присущие большевикам [7, с. 120; 13].

В 1920-е гг. в эмиграции вопрос о реформе расширяется до дискуссии о сохранении чистоты русского языка, — главном наследии русской культуры. На страницах парижского журнала «Звено» (1923–1928) в 1927 г. возникла острая дискуссия вокруг «порчи» русского языка, в которой участвовали главным образом Петр Бицилли, Георгий Адамович и кн. Сергей Волконский, а также Константин Мочульский и Григорий Лозинский. Поводом для распри стала статья С. Волконского «О русском языке» (1923), появившаяся в парижском журнале «Современные записки» [8].

Сергей Михайлович Волконский (1860–1937), активный театральный деятель и театровед, эмигрировал в 1921 г. После пребывания в Италии и Австрии он остановился в 1926 г. в Париже, где стал одним из ведущих театральных критиков, печатался в журналах «Звено», «Числа», в газете «Последние новости». Г. Адамович в одном разговоре с М. Цветаевой, обожавшей Волконского, не вполне точно привел высказывание А. Блока о Волконском в дневнике 1911 г.: «Князь Волконский всех учит русскому языку, а сам изъясняется со средне княжеской грамотностью» [5, с. 580].

Статью «О русском языке» Волконский начинает словами тревоги:

Русский язык в опасности. Самое духовное из наследий нашей Родины, то, которое всякий из нас носит в себе и с собой, в опасности [8, с. 243].

По мнению автора, в области языка отсутствует «эстетически-воспитательная цензура», и Российская академия наук, главной задачей которой было сохранить его чистоту, не только не защитила русский язык, но «свое безразличие к ценности языка Академия достойно увенчала признанием нового правописания» (которое Волконский называет «кривописанием») [8, с. 243]. Понятие «упрощение» — одна из главных причин реформы, — по мнению Волконского, означает искажение языка с когнитивной точки зрения, усложняет восприятие содержания адресатом, который не будет узнавать то, что написано:

Язык — орудие, коим мышление высказывается, но оно же и определяет правильность и полноту мышления. Когда орудие не точно, то не точна и работа. <...> Следовательно, мысль, неясно выраженная, сама не ясна [8, с. 245].

Вследствие реформы правописания запас концептов уменьшается и интеллектуальные процессы упрощаются. В опасности, таким образом, оказывается не только русский язык, но и русское мышление, потому что искаженный язык соответствует искаженной мысли. Волконский указывает на разные ошибки речи — на неправильное ударение, произношение, неверное употребление глаголов (возвратные вместо невозвратных) и т. д. В призыве к восстановлению чистоты русского языка он доходит до идеи полного отказа от употребления иностранных слов, которые обедняют выразительное богатство родного языка (почему, например, нужно говорить «ори-

ентироваться», вместо «разобраться» и «осмотреться»; или «фиктивный» вместо «вымышленный» и «мнимый»).

Волконский, таким образом, не ограничивает свое выступление резким отказом от реформы орфографии, а ставит вопрос о чистоте русского языка в целом, употребляя все стандартные аргументы в этом споре. Пример подобных шаблонных аргументов представлен в статье К.В. Мочульского «О порче русского языка», опубликованной в 1924 г. в «Звене» (в ту пору это издание еще выходило в газетном формате):

«Порча русского языка», «распад русского языка», «русский язык в опасности» заявляют литераторы, критики, эстеты. И приводят бесчисленные примеры советского наречия, эмигрантских диалектов, газетного жаргона. А после примеров, цитата из Тургенева о «великом и прекрасном русском языке» и приговор современности: «безграмотно, неправильно» [10].

Отметим, что позиция Мочульского очень близка воззрениям Бицилли, но об этом речь пойдет позже.

Три года спустя, в 1927 г., Петр Бицилли начинает спор с Волконским статьей «В защиту русского языка» [6, с. 598–602], которая появится в № 5 журнала «Звено». Выдающийся филолог и культуролог даже не упоминает реформу орфографии, а направляет свои размышления исключительно на природу языка как такового, обращаясь к Волконскому с иронией:

Я выступаю в защиту русского языка от его усердного, неутомимого, ученого и даровитого защитника и охранителя, кн. С.М. Волконского. <...> Во многих случаях автор глубоко прав, — и тем не менее, читая его статьи, я часто мысленно благодарю Бога за то, что он на этом поле пока — единственный, кажется, воин, и что ему не удалось объединить вокруг себя толпу таких же ревнителей, создать учреждение типа гуманистических «академий» и присвоить себе над нашим языком и нашей литературой власть *vitae necisque* <над жизнью и смертью (лат.)> [6, с. 598].

Бицилли согласен с Волконским в том, что язык является отражением культуры и духом народа; в более поздней статье 1936 г. Бицилли пишет:

Язык в отношении своего строения, своей лексики, есть одна из важнейших сторон культуры, может быть, — самая важная [6, с. 11].

По Волконскому, язык «воспроизводит» мысль. Бицилли же утверждает, вслед за Гумбольдтом, в статье «Литературные заметки» (1938):

Язык не только орудие мысли и творится мыслью. Он энергия (определение Гумбольдта) и в том отношении, что сам творит мысль [6, с. 622].

Система языка для Бицилли — это функциональная структура, в которой знаки выполняют функцию сообщения в речевой коммуникации. Участники спора движутся, очевидным образом, в разных направлениях; их противопоставление подобно семиотическому конфликту во время Раскола, как его описал в свое время Б.А. Успенский [4, с. 333–367]. Волконский отождествляет слово с содержанием; для Бицилли слово — это условный знак. Кроме того, позиция Волконского, как увидим, — чисто политическая, позиция Бицилли — научная.

Волконский указывает на конкретные искажения в употреблении русского языка, — такие, как неправильные ударения, употребление неологизмов или варваризмов; Бицилли отвечает, что конкретный язык живет в узусе: новые слова рождаются из употребления в определенных исторических обстоятельствах, представляя собой обогащение языка. Он приводит пример употребления слова «месторазвитие» — одного из центральных понятий евразийства, — которое обозначает стяжение воедино географических и исторических начал. Слово прижилось, поскольку его применяют Г.В. Вернадский и другие евразийцы, так как содержание понятия «месторазвитие» богаче, чем содержание отдельно взятых слов «место развития». Примерно то же самое о жизни языка в его узусе писал в 1924 г. К. Мочульский:

Язык — есть быт; не бывает быта правильного и неправого — быт изменяется, иногда неощутимо-медленно, иногда резко, стремительно. Перестройка языка свидетельствует не о «порче», а об огромной внутренней жизни, о новом сильном, пока еще беспомощно ищущем своего выражения [12].

У Бицилли и Мочульского также схожие позиции в отношении введения иностранных слов в русский язык: оба считают данное явление обогащением языка. Бицилли пишет:

Слово самого идиотского, самого «беззаконного» происхождения, укоренившись и ставши общепотребительным, тем самым и облагораживается [6, с. 601].

Мочульский в 1924 г. утверждает, что иностранные слова составляют «плодороднейший ил; — на нем расцветает национальный гений языка. А гнилое и мертвое сносится течением» [12].

Георгий Адамович играет в этом споре роль посредника, публикуя в № 6 «Звена» статью «Литературные беседы. О русском языке и споре кн. Волконского с П. Бицилли». Критик подчеркивает, что вопрос о языке в эмиграции не только «чрезвычайно интересен», но и очень актуален, и продолжает:

П. Бицилли с кн. Волконским заговорили на тему, давно носящуюся в воздухе, нарушили молчание, уже с трудом сдерживаемое [6, с. 661].

Адамович отмечает политическую деликатность вопроса в данной исторической ситуации:

Я понимаю, что сейчас не «момент» для этого. Многие сейчас берегут грамматику, как берегут старую орфографию, — по соображениям отнюдь не грамматическим [6, с. 663].

Критик старается примирить позиции спорящих: Бицилли прав, когда утверждает, что в живом языке нет законов, все условно, даже у Пушкина есть ошибки. Но все-таки, раз правила установлены, надо им подчиняться, как утверждает Волконский. Адамович заключает свою статью развернутой метафорой:

Надо было бы развалить кривое здание, — с сознанием, что оно нами же построено и никакого кощунства в его уничтожении нет. И медленно построить новое, — с сознанием, что без стройного построения нам жизни нет» [6, с. 663].

Итак — к основному бесспорному положению П. Бицилли применить метод кн. Волконского, отказавшись от научной беспристрастности первого и консервативной непримиримости второго.

Очередная ответная статья Волконского «Вопросы языка» (1927), опубликованная в том же номере «Звена», чрезвычайно эмоциональна и полемична, она наглядно демонстрирует, что у оппонентов совершенно разные подходы к теме. Для Бицилли язык, в том числе русский, объект культурологии и философии культуры; Волконский смотрит на русский язык, видя в нем главным образом выражение духа старой России. Бицилли утверждает, что нельзя бороться против лингвистических изменений; Волконский возражает, что если бороться нельзя, то надо хотя бы воспитывать у людей «чувство красоты, сознание красоты родного языка» [6, с. 665].

Волконский еще раз подчеркивает, что опасным является распространение иностранных слов вместо русских, потому что они

вытесняют богатство и разнообразие мыслительных категорий. <...> Да, они <иностранные слова. — М.В.> уродуют, засоряют язык, но они же обедняют мозг [6, с. 665].

Пафос высказываний Волконского о русском языке в основном носит политический характер, как явствует из его соображений о кавычках:

Кавычки, как подчеркивающие неодинаковость умственных уровней, несомненно, одно из проявлений *культурности*. <...> И не удивительно принесенное газетами известие о том, что новым декретом большевицкое правительство *упразднило* кавычки, — не удивительно потому, что вся его деятельность в области языка *проти-вокультурна* [6, с. 666].

Спор о языке был настолько актуальным, что в № 1 «Звена» за 1928 г. появилась рубрика «Грамматические сомнения» за подписью Меркурий (псевдоним Г.Л. Лозинского [4, с. 280]), открывшая дискуссию с читателями:

Спор, возникший на страницах «Звена» между П. Бицилли, кн. С.М. Волконским и Г.В. Адамовичем, еще не закончен. Со своей стороны, Меркурий позволяет себе предложить на обсуждение читателей несколько частных вопросов, с которыми большинству из нас приходится сталкиваться ежедневно [11, с. 51].

Бицилли продолжил полемику с Волконским в № 3 «Звена» за тот же год в статье «Вопросы русской языковой культуры» [6,

с. 603–606]. Здесь автор почти не затронул злободневного языкового вопроса, изложив свою концепцию о развитии русского литературного языка.

Дальше спор продолжился на страницах парижской еженедельной газеты «Россия и славянство». Статья Бицилли «В защиту варваризмов в русском языке», появившаяся в январе 1929 г., была посвящена критике двух книг: «Борьба за язык» С.В. Завадского (Прага, 1928) и «В защиту русского языка» князей С. и А. Волконских (Берлин, 1928). Авторы обеих книг утверждали, что русский язык портят в основном варваризмы (см., например: [9]). Полемизируя с ними, Бицилли не без иронии приводил примеры из старой статьи Волконского 1923 г.:

«Зачем, — спрашивает кн. С. Волконский, — *ориентироваться*, когда есть: *разобраться*, *рассмотреться*, *опознаться*?» Затем, что ни *разобраться*, ни *рассмотреться*, ни *опознаться* не выражают того оттенка, который есть в *ориентироваться*. Не *разобравшийся* в оттенках этих слов сказал бы, что кн. С. Волконский не *ориентировался* в вопросе [6, с. 611–612].

Как представляется, полемика с Волконским послужила для Бицилли толчком, чтобы систематизировать свои культурологические взгляды. Уже во время спора Бицилли опубликует в «Современных записках» статьи «Два лика евразийства» [6, с. 35–48] и «Нация и народ» (см.: [1, с. 66–78]), затрагивающие лингвистические аспекты его теории культуры. Несколько лет спустя он напечатает еще две важные работы на схожую тему: «Язык и народность (К вопросу об образовании русского литературного языка)» (1932) и «К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в новое время» (1936), но это уже тема для другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Анненкова И.В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 148 с.
2. Вендитти М. Вопрос о реформе орфографии в эмиграции (Н.К. Кульман и Ф.А. Браун) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени

Александра Солженицына, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 716–722.

3. Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 429 с.
4. Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945) / под ред. О.А. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.

Источники

5. Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2016. Т. 14. 626 с.
6. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 707 с.
7. Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. 254 с.
8. Волконский С.М. О русском языке // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 15. С. 243–261.
9. Волконский С.М., Волконский А.М. В защиту русского языка: сб. ст. Берлин: Медный всадник, 1928. 102 с.
10. Газданов Г. Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 5. 733 с.
11. Меркурий [Лозинский Г.Л.] Грамматические сомнения // Звено. Париж, 1928. № 1. С. 51–52.
12. Мочульский К. О порче русского языка // Звено. 1924. 31 марта. № 61. URL: http://az.lib.ru/m/mochulskij_k_w/text_1924_o_porche_russkogo_yazyka.shtml (дата обращения: 10.06.2021).
13. Сакулин П. Реформа русского правописания. Пг.: Парус, 1917. 69 с.

REFERENCES

1. Annenkova, I.V. *Neizgnannaiia mysl': Filologiiia P.M. Bitsilli [Unexiled Thought: P.M. Bitsilli's Philology]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p. (In Russian)
2. Venditti, M. "Vopros o reforme orfografii v emigratsii (N.K. Kul'man i F.A. Braun)" ["Question of Orthographic Reform in Exile (N.K. Kul'man i F.A. Braun)"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2014–2015 [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad, 2014–2015]*. Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad Publ., 2015, pp. 716–722. (In Russian)
3. Uspensky, B.A. *Izbrannye trudy [Selected Works]*, in 2 vol. Vol. 1. *Semiotika*

- istorii. Semiotika kul'tury [Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 429 p. (In Russian)
4. Schruba, M. *Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [Dictionary of Pseudonyms of Russia Abroad in Europe (1917–1945)], ed. by O.A. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1064 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 30 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 июня 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 30 July 2021

Approved after reviewing: June 10, 2022

Date of publication: December 26, 2024

